

Ретнева Наталья Ивановна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь;

Козелецкий Иван Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника факультета милиции по учебной работе Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И СООТНОШЕНИЕ СО СМЕЖНЫМИ СОСТАВАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Освещены наиболее проблемные вопросы, связанные с применением норм уголовного права, направленных на противодействие торговле людьми, на основании материалов судебной практики Республики Беларусь, предложений отечественных и зарубежных ученых.

Ключевые слова: торговля людьми; вербовка; рабство; сексуальная эксплуатация; вовлечение в занятие проституцией.

Висвітлено найбільш проблемні питання, пов'язані із застосуванням норм кримінального права, спрямованих на протидію торгівлі людьми на основі матеріалів судової практики Республіки Білорусь, пропозицій вітчизняних і зарубіжних учених.

Ключові слова: торгівля людьми; вербування; рабство; сексуальна експлуатація; залучення до заняття проституцією.

In this article, expressed opinions of the author on the most problematic issues related to the application of criminal law aimed at combating trafficking in human beings, based on the materials of the judicial practice of Belarus, offers domestic and foreign scholars.

Keywords: human trafficking; recruitment; slavery; sexual exploitation; involvement in prostitution.

Конституцией Республики Беларусь наша страна провозглашена унитарным демократическим правовым и социальным государством (ст. 1), важнейшей характеристикой которого является признание высшей ценностью и целью общества и государства человека, его прав и свобод, гарантий их реализации (ст. 2). Следуя этой общечеловеческой формуле, государство, используя правовые способы и средства, обязано обеспечить

должную охрану и защиту человека, но в первую очередь – его наиболее значимых естественных прав, возникших с момента рождения. К числу таких прав относится и право человека на свободу (ст. 25). Указанное право в силу его особой значимости охраняется и уголовным законом посредством установления запретов под угрозой наказания на совершение преступных посягательств на личную свободу человека.

В Уголовный кодекс (УК), который основывается на Конституции Республики Беларусь и общепризнанных принципах и нормах международного права, в национальное законодательство впервые в 1999 году были имплементированы международно-правовые нормы, направленные на противодействие такому общественно опасному явлению как торговля людьми. Последовательным продолжением этой линии стало внесение законом Республики Беларусь от 4 мая 2005 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам усиления ответственности за торговлю людьми и иные связанные с ней правонарушения» изменений в ст. 181 УК. Семилетний опыт применения уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления, связанные с торговлей людьми, выявил ряд проблем уголовно-правового регулирования борьбы с работорговлей, которые до сих пор остаются неразрешенными. Судебно-следственная практика применения указанных норм весьма противоречива из-за отсутствия надлежащего их толкования на уровне постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь. Допускаются ошибки в квалификации подобных фактов, что отрицательно сказывается на дифференциации ответственности и индивидуализации наказания. Практика применения уголовно-правовых норм о преступлениях данного вида встречается с серьезными трудностями.

Конструкции составов указанных преступлений и по сей день вызывает множество теоретических и практических вопросов. Причина несовершенства в том, что они являются результатом имплементации в национальное законодательство международно-правовых терминов, содержание которых должным образом не прокомментировано.

Признаки составов преступлений не в полной мере соответствуют доктринальным представлениям, позволяют различные трактовки объективных и субъективных критериев, что затрудняет их отграничение от смежных составов и определение момента окончания посягательства.

Так, правоприменитель испытывает определенные сложности в применении состава вовлечения в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией (ст. 171-1 УК), поскольку в настоящее время в уголовном законодательстве отсутствует четкое толкование термина «вовлечение». Нет единого подхода в данном вопросе и среди ученых. Так, по мнению А. В. Наумова, под вовлечением в занятие проституцией следует понимать совершение активных действий, имеющих своей целью побудить определенное лицо к занятию проституцией [1, с. 352]. Схожая позиция и у авторов научно-практического комментария к УК Республики Беларусь. Вовлечение в

рамках ст. 171-1 УК они рассматривают как склонение конкретного лица к занятию проституцией, то есть активное, целенаправленное возбуждение у него желания, стремления систематически оказывать сексуальные услуги за вознаграждение [2, с. 352].

Некоторые исследователи под вовлечением в занятие проституцией понимают шантаж, угрозу уничтожения, повреждения или хищения имущества; необоснованные действия по службе, влекущие неблагоприятные последствия для жертвы, любые ненасильственные действия, побуждающие к занятию проституцией хотя бы одного человека [3, с. 17]. При этом отдельные авторы не усматривают признаки преступления в случае, если вовлекаемое в занятие проституцией лицо сохраняет свободу действий и может отказаться от предоставляемого ему занятия. Если же лицо ставится вовлечателем в ситуацию, когда оно вынуждено вопреки своему изначальному желанию начать заниматься проституцией, то вовлечение в занятие проституцией налицо [4, с. 326]. С такой позицией трудно согласиться, поскольку вынужденность оказания сексуальных услуг при отсутствии свободы выбора в отдельных случаях может рассматриваться как элемент сексуальной эксплуатации в рамках торговли людьми.

Несколько иной смысл вкладывается правоприменителем в понятие «вербовка», которое в русском языке означает набирать, нанимать на работу кого-либо; привлекать, склонять к участию в каком-либо деле [5, с. 64]. Это понятие охватывает как действия, направленные на заключение соглашения с лицом (начало вербовки), так и заключение такого соглашения (завершение вербовки). Применительно к торговле людьми вербовку следует рассматривать как наем, набор для каких-либо работ, привлечение к какой-либо деятельности, в том числе запрещенной законом, лиц с целью дальнейшей их эксплуатации. Вербовка может выступать в качестве самостоятельного деяния, предусмотренного ст. 181 УК, но вместе с тем быть и начальным действием последующего перемещения, укрывательства, продажи.

Как показывает практика, вербовка с целью сексуальной эксплуатации носит добровольный характер и сопряжена, как правило, с обманом, злоупотреблением доверием или использованием зависимого положения, при котором потерпевший соглашается на предложенную работу, заблуждаясь либо относительно рода такой работы, либо условий предлагаемой деятельности, не сознавая того, что в дальнейшем будет подвергнут эксплуатации. Крайне редки случаи получения согласия потерпевшего путем угрозы применения насилия, ограничения свободы или использования иных способов воздействия. Напротив, при вовлечении в занятие проституцией лицо вынуждено согласиться на занятие подобного рода деятельности под воздействием уговоров, угроз, шантажа, либо посредством физического насилия.

Наряду с указанными признаками объективной стороны сравниваемые составы преступления различаются и по моменту их окончания.

Вербовка может выступать в качестве самостоятельного деяния, предусмотренного ст. 181 УК, но вместе с тем может быть и начальным действием последующего перемещения, укрывательства, продажи. С момента достижения соглашения с вербуемым лицом преступление считается оконченным. Если цель виновного не была достигнута, и лицо отказалось от предлагаемой работы, то налицо признаки покушения на преступление. Это подтверждается материалами судебной и следственной практики.

Так, судом Речицкого района Гомельской обл. Ф. был осужден по ч. 1 ст. 14, п. 1, 2, 3, 7, 8 ст. 181 УК Республики Беларусь. На протяжении года он вербовал женщин для занятия проституцией в г. Москве, намереваясь впоследствии сделать их зависимыми перед сутенерами по признакам долговых обязательств, поскольку каждая из прибывших девушек не могла самостоятельно уехать домой и отказаться от занятия проституцией до тех пор, пока не отработает деньги, которые были уплачены за нее сутенерами. Однако Ф. свои преступные действия не довел до конца по независящим от него обстоятельствам, поскольку женщины от предложения отказались.

В вопросе установления момента окончания преступления, связанного с вовлечением в занятие проституцией, ни в науке, ни в правоприменительной практике единства нет. В настоящий момент более распространена точка зрения, в соответствии с которой преступление должно признаваться оконченным с момента совершения любого из действий, направленных на вовлечение в занятие проституцией, даже если попытка вовлечения оказалась безуспешной [2, с. 348]. Данная позиция закреплена и в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» от 20 июня 2002 года [6].

По мнению других исследователей, момент окончания преступления должен быть связан с моментом, когда вовлекаемый фактически стал заниматься проституцией [7, с. 143; 8, с. 17], либо после первого случая оказания услуги сексуального характера за вознаграждение [9, с. 136]. Аналогичная точка зрения имеет место и у некоторых российских ученых, которые считают состав вовлечения в занятие проституцией материальным. Вменение в вину указанного преступления, по их мнению, предполагает доказывание не только действий по склонению потерпевшего к занятию проституцией, но и наступивших общественно опасных последствий в виде непосредственного занятия проституцией [10, с. 43–44].

На наш взгляд, более обоснованным является мнение тех авторов, которые рассматривают вовлечение не только как процесс воздействия, склонения к проституции, но и окончанный результат, итог вхождения вовлекаемого в проституцию. Поскольку закон говорит не о деяниях, направленных на вовлечение в занятие проституцией, а о вовлечении в такое занятие, действия вовлекающего лица должны быть квалифицированы как покушение, если склоняемый отказался заниматься систематическим оказанием платных сексуальных услуг.

Разграничить рассматриваемые преступления позволит субъективная сторона преступления и, прежде всего, такой признак как цель. Если будет установлено, что виновный, вовлекая лицо в проституцию, преследует цель в дальнейшем использовать это лицо для сексуальной эксплуатации, его действия следует квалифицировать как торговлю людьми. При отсутствии такой цели должна применяться ст. 171-1 УК.

В правоприменительной практике это положение не всегда учитывается при квалификации преступлений, связанных с торговлей людьми. Зачастую суды вынуждены переквалифицировать действия виновных со ст. 181 УК на ст. 171-1 УК, в связи с отсутствием доказательств наличия у них конечной цели – эксплуатации потерпевших в своих интересах, либо получения в дальнейшем от третьих лиц какого-либо вознаграждения за передачу потерпевших. Если роль обвиняемых заключалась в вовлечении девушек в занятие проституцией, доставке их до места назначения и устройстве в бордель в качестве проституток, то такие действия не могут рассматриваться как торговля людьми с целью сексуальной эксплуатации.

В литературе существует точка зрения, согласно которой цель, являясь конструктивным признаком состава торговли людьми, не позволяет разграничить рассматриваемые преступления, поскольку и вербовщик для последующей эксплуатации, и лицо, вовлекающее в занятие проституцией, преследует цель завербовать (вовлечь) потерпевшего для сексуальной эксплуатации (в занятие проституцией) [11, с. 4]. Позиция автора вызывает возражения, поскольку в данном случае происходит отождествление понятий сексуальной эксплуатации и занятия проституцией, и, как следствие, трудности в разграничении вербовки в целях сексуальной эксплуатации и использования занятия проституцией (ст. 171 УК).

В ч. 2 примечаний к ст. 181 УК законодателем было дано следующее определение понятия сексуальной эксплуатации: извлечение выгоды из действий сексуального характера, осуществляемых другим лицом, в том числе использование занятия проституцией. Такая трактовка признаков сексуальной эксплуатации позволяла правоприменителю длительное время рассматривать как торговлю людьми действия лица, получающего выгоду от использования других лиц в области оказания сексуальных услуг, независимо от акта насилия или иных форм принуждения, а также согласия лица на выполнение указанных услуг. Любая деятельность в секс-индустрии, в том числе организация проституции, признавалась торговлей людьми, а лицо, получающее доход от использования занятия проституцией – виновным в преступлении, предусмотренном ст. 181 УК, несмотря на наличие или отсутствие других элементов эксплуатации.

Следственной и судебной практикой не учитывался тот факт, что сексуальная эксплуатация – это разновидность эксплуатации, вследствие чего при решении вопроса о наличии в действиях виновного цели сексуальной эксплуатации необходимо установить признаки, которые

характеризуют понятие эксплуатации, а именно наличие элементов принуждения или иных способов воздействия, с помощью которых лицо принуждается к оказанию сексуальных услуг. Применение насилия, использование обмана, долговое рабство, шантаж, лишение свободы передвижения – это те обстоятельства, в силу которых женщина не может отказаться от выполнения подобного рода услуг. Отсутствие таких элементов означает отсутствие эксплуатации, а значит, отсутствие состава торговли людьми. При использовании занятия проституцией (ст. 171 УК), являющейся добровольной деятельностью по оказанию сексуальных услуг за вознаграждение, на лицо не оказывается никакого психологического или физического воздействия с целью принудить его к оказанию услуг, поставить его в зависимое положение, которое бы позволило эксплуатировать данное лицо, распоряжаться им как вещью.

В целях выработки критериев единообразного применения на практике указанных уголовно-правовых норм, Верховный суд Республики Беларусь высказал свою позицию по данному вопросу: недопустимо расширительное толкование понятия «использование занятия проституцией» и отождествление его с понятием «сексуальная эксплуатация» в контексте торговли людьми при отсутствии предусмотренных примечанием 1 к ст. 181 УК признаков эксплуатации как таковой [8, с. 16]. Данная точка зрения нашла поддержку и у авторов научно-практического комментария к Уголовному кодексу Республики Беларусь, по мнению которых, использование занятия проституцией другим лицом, осуществляемое с принуждением человека к оказанию сексуальных услуг (в случае, если он по независящим от него причинам не может отказаться от оказания услуг), является разновидностью сексуальной эксплуатации [2, с. 345]. С ними согласился и ученый В. В. Марчук: использование занятия проституцией другим лицом как признак сексуальной эксплуатации – это осуществляемый под принуждением контроль над лицом, занимающимся проституцией и принудительное изъятие дохода или его части от занятия проституцией [12].

В связи с вышеизложенным, считаем необходимым внести коррективы в определение понятия эксплуатации, сформулировав его с учетом признаков сексуальной эксплуатации. Это позволит разграничить торговлю людьми от смежных составов преступлений.

До настоящего времени не выработаны критерии, позволяющие разграничить составы преступлений, предусмотренные ст. 181 и 187 УК. Следует отметить, что ответственность по ст. 187 УК наступает только в случае, если в действиях виновного отсутствуют признаки состава преступления, предусмотренного ст. 181 УК. Психологическое отношение виновного к совершению торговли людьми выражается в умышленной форме вины в виде прямого умысла, когда лицо совершает действия с единственной целью – заведомо поставить потерпевшего в условия, при которых он не может отказаться от выполнения работы или оказания услуг. Умысел виновного при незаконном трудоустройстве гражданина за

границей характеризуется умышленной формой вины в виде косвенного умысла, когда лицо сознает незаконность своих действий, направленных на трудоустройство граждан за границей, предвидит, что в результате таких действий лицо может быть подвергнуто сексуальной или иной эксплуатации, не желает, но сознательно допускает наступление таких последствий, либо относится к ним безразлично. При установлении прямого умысла по отношению к наступившим последствиям речь следует вести о торговле людьми (ст. 181 УК).

Достаточно аргументированная позиция в части определения формы вины преступления, предусмотренного ст. 187 УК, высказана А. В. Барковым, который полагает, что путем толкования диспозиции и санкции ч. 3 ст. 187 УК можно сделать вывод о том, что преступление совершается с косвенным умыслом. В качестве квалифицирующего признака преступления указывается его совершение организованной группой. Соучастие в неосторожных преступлениях невозможно. Включение законодателем в санкцию такого наказания как конфискация имущества свидетельствует о том, что это тяжкое преступление, а следовательно, умышленное. Об умышленной форме вины говорит и максимальный размер наказания в виде лишения свободы на срок до восьми лет [2, с. 382].

Иной точки зрения придерживается В. А. Лаевский, который считает, что умысел виновного при незаконном трудоустройстве гражданина за границей направлен именно на такое трудоустройство. Отношение же виновного к последствиям таких действий по незаконному трудоустройству, сексуальной или иной эксплуатации (как необходимым условиям наличия состава преступления, предусмотренного ст. 187 УК), выражается лишь в форме неосторожной вины (преступная небрежность или легкомыслие). В противном случае будет иметь место торговля людьми [8, с. 16].

Следует отметить, что норма, предусмотренная в ст. 187 УК, сформулирована неудачно. Положения данной нормы порождают возможность для необоснованного расширения причинно-следственных отношений и создают предпосылки объективного вменения.

Значительный шаг в области борьбы с преступлениями, связанными с торговлей людьми, был сделан законодателем в 2008 году. Законом Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам противодействия нелегальной миграции, распространению рабского труда, детской порнографии и проституции» в УК была введена норма, предусматривающая ответственность за использование рабского труда. Это, несомненно, значительный шаг не только в области противодействия использованию рабского труда, но и защиты охраны прав и свобод человека. Принятая в Республике Беларусь норма об ответственности за использование рабского труда полностью соответствует нормам международного права. Однако имплементации нормы международного права в настоящей редакции оказалось недостаточно для эффективной борьбы с проявлениями рабства в современных условиях. Анализ диспозиции

ст. 181-1 УК позволил выявить существенные недостатки в регламентации объективной стороны рассматриваемого состава преступления и ограничения его от торговли людьми.

Буквальное толкование уголовно-правовой нормы позволяет сделать вывод, что законодатель акцентировал внимание прежде всего на эксплуатации труда человека, находящегося в положении раба. За рамками правового регулирования остались случаи признания преступлением непосредственно самого факта обращения человека в рабство без намерения использовать его труд. Возможно, законодатель исходил из того, что обращение в рабство не является настолько общественно опасным деянием, чтобы подвергать его криминализации, но, на наш взгляд, подобный подход к проблеме выглядит, как минимум, нелогично.

Кроме того, установив уголовную ответственность за использование рабского труда, законодатель не истолковал понятия «рабство», «рабский труд», «иная форма эксплуатации». Между тем, отсутствие четкого определения признаков состава преступления не может создать надежных гарантий единообразного применения нормы закона, способно привести в практику разнорядной и существенно осложнить достижение тех целей, которые поставлены законодателем.

Однако главная проблема заключается в том, что при конструировании уголовно-правовой нормы законодатель ограничил возможность привлечения к ответственности за использование рабского труда указанием на отсутствие признаков преступления, предусмотренного ст. 181 УК. Полагаем, что принятая законодателем позиция является не совсем верной, поскольку рабство неразрывно связано с торговлей людьми и в ряде случаев может выступать одним из способов обращения человека в подневольное состояние, наряду, например, с похищением. В международном праве «торговля людьми» и «эксплуатация человека, оказавшегося в положении, сходном с положением раба», хотя и взаимосвязаны, но охватывают различные виды преступных действий. «Торговля людьми» характеризует способы помещения человека в положение эксплуатируемого. «Эксплуатация» характеризует различные виды положений эксплуатируемого, связанные с рабством или положениями, сходными с рабством [13, с. 98].

В связи с этим следует поддержать мнение О. В. Емельянович, которая считает, что если лицо становится собственностью другого лица, к примеру, при продаже, то речь идет о рабстве. В случаях, когда лицо передается, перевозится или получается без осуществления в отношении него права собственности, речь следует вести о торговле людьми [14, с. 29].

Кроме того, достаточно сложно представить ситуацию, при которой лицо, использующее рабский труд, предварительно не совершило действий, образующих объективную сторону торговли людьми. В этой связи следует задать вопрос: как оценить с точки зрения закона действия лица, купившего человека, а потом использовавшего его рабский труд? По мнению В. В. Марчука, действия лица, получившего потерпевшего для

експлуатації і використавшого його в якості раба або в інших формах експлуатації, повинні кваліфікуватися по сукупності преступлень: ст. 181 (отримання людини в цілях експлуатації) і ст. 181-1 УК [15, с. 68]. Однак конструкція уголовно-правової норми, передбачаючої відповідальність за використання рабського праці, виключає можливість застосування при кваліфікації одночасно обох статей. В правозастосовній практиці такі дії охоплюються лише рамками ст. 181 УК.

В наші часи склалася ситуація, коли ст. 181-1 УК практично не застосовується: з моменту введення її в дію не було засуджено ні одного людини. А значить особи, що порушують особисту свободу інших осіб, або не караються взагалі, або їх дії кваліфікуються інакше.

Зостає неясною позиція законодавця і по відношенню до дії, передбаченої ч. 1 ст. 181-1 УК, к менше тяжкому преступленню, тоді як торгівля людьми, згідно ч. 1 ст. 181 УК, є тяжким преступлением. Виникає питання: чи використання рабського праці є менше суспільно небезпечним діянням, ніж торгівля людьми?

Не в повній мірі дотримано системного підходу до побудови санкцій за преступлення розглянутої групи, здійснені при тяжких обставинах. Введення кваліфікуючих ознак не забезпечує плавного переходу санкцій від основного до кваліфікованого і від кваліфікованого до особливо кваліфікованого складу.

Аналіз санкцій ст. 181 УК, ст. 181-1 УК показав, що включення кваліфікуючих ознак до складу торгівлі людьми збільшує мінімальний межу покарання в формі позбавлення свободи в два рази – з 5 до 10 років, в той час як при наявності аналогічних ознак в складі використання рабського праці мінімальні межі санкції змінилися в бік збільшення покарання всього лише на один рік. Необґрунтовано зменшена ступінь небезпечності використання рабського праці і шляхом встановлення більш низьких верхніх меж покарання в порівнянні з санкціями за аналогічні преступлення проти особистої свободи. В цій зв'язі слід погодитися з думкою вченого А. І. Рарога, аналізувавшого проблеми уніфікації уголовно-правових норм, направлених проти рабства і торгівлі людьми. Торгівля людьми, по думці автора, має тісну зв'язь з порушенням людини і використанням рабського праці. Названі преступлення мають загальні видові ознаки (порушують на один і той же безпосередній об'єкт, є по суті насильственными, мають міжнародний характер) і мають приблизно однаковою ступенем суспільної небезпечності. Тому вони повинні караються приблизно в одних і тих же межах і характеризуватися однаковою системою кваліфікуючих ознак [16, с. 113].

Резюмируя вышеизложенное, полагаем, при разграничении сходных по характеру преступных деяний значение критерия разделения таковых имеет не один признак, а их совокупность. Для этого в уголовном законе должны содержаться четкие правовые дефиниции соответствующих деяний. Это касается и преступлений, связанных с торговлей людьми. Только при таких условиях возможно предупредить ошибки при их квалификации и отграничении от сходных деяний, посягающих на сходные правоотношения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Наумов А. В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование / А. В. Наумов / [под ред. Г. М. Резника]. – М. : ВолтерсКлувер, 2005. – 1024 с.
2. Ахраменка Н. Ф. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка ; [под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича]. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – 1004 с.
3. Бушмин С. Преступления против общественной нравственности: новеллы и изменения в уголовно-правовом регулировании / С. Бушмин // Уголовное право. – 2006. – № 5. – С. 17–21.
4. Саркисов Р. Р. Уголовно-правовая характеристика вовлечения в занятие проституцией / Р. Р. Саркисов // Молодежь и наука: реальность и будущее : [материалы II Междунар. науч.-практ. конф.]. – Невинномыск, 2009. – Т. 5. – С. 325–327.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов / [под ред. Н. Ю. Шведовой]. – 16-е изд., испр. – М. : Русский Язык, 1984. – 797 с.
6. О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних : Постановление Верховного Суда Республики Беларусь, 28 июня 2002 г., № 3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2002. – № 83. – 6/331.
7. Лукашов А. И. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть / [Лукашов А. И., Данилюк С. Е., Мичулис Э. Ф. и др.] ; под общ. ред. А. И. Лукашова. – Минск : Тесей, 2001 – 806 с.
8. Лаевский В. Противодействие торговле людьми: некоторые вопросы квалификации преступлений / В. Лаевский // Судовы веснік. – 2006. – № 3. – С. 14–18.
9. Авраменко Е. А. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : [учеб. пособ.] / Е. А. Авраменко ; [под ред. В. А. Кашевского]. – Минск : Акад. МВД, 2012. – 734 с.
10. Торговля людьми в Российской Федерации: квалификация, предупреждение, расследование : [учеб.-практ. пособ.]. – М. : Юрист, 2007. – 294 с.
11. Алихаджиева И. О разграничении торговли людьми и вовлечения в занятие проституцией (статья 127.1 и 240 УК России) / И. Алихаджиева // Уголовное право. – 2008. – № 1. – С. 4–8

12. Марчук В. В. Юридический анализ дополнений и изменений, внесенных в УК Республики Беларусь в 2005–2006 гг. / В. В. Марчук // Консультант плюс : Беларусь. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2006.

13. Мизулина Е. Б. Торговля людьми и рабство в России: международно-правовой аспект / Е. Б. Мизулина. – М. : Юристъ, 2006. – 591 с.

14. Емельянович О. В. Торговля людьми в контексте рабства, проституции и нелегальной миграции / О. В. Емельянович // Беларусь в современных геополитических условиях: политико-правовые и социально-экономические аспекты устойчивого развития : материалы межвуз. науч.-практ. конф. (Минск, 30 марта 2007 г.) : [в 2-ох т.] / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – С. 29–30.

15. Марчук В. В. О квалификации использования рабского труда / В. В. Марчук // Вестник ГрДУ. Серия 4. – 2009. – № 3. – С. 66–70.

16. Рарог А. И. Проблема унификации уголовно-правовых норм, направленных против рабства и торговли людьми / А. И. Рарог // Проблемы совершенствования правовых средств и механизмов противодействия преступности в современном обществе : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 13–14 окт. 2006 г.). – Минск, 2007. – С. 112–116.